

Реальность и контакт: Эжен Минковски*

Евгений Минковский (1885-1972) родился в Санкт-Петербурге, в 7 лет переехал с семьей в Варшаву, там же начал изучать медицину в Императорском университете, но завершил свое образование уже в Германии и после Первой мировой войны (в которой он принимал участие в качестве врача батальона) осел во Франции, став Эженом Минковски — одним из основоположников феноменологической психиатрии.

Слава его как психиатра не была громкой. Его знали, на него ссылались, но он не был широко известен. За несколько лет до смерти Минковски обмолвился о своей карьере как неудачной (несмотря на то, что о его работах хорошо отзывались, например, Жак Лакан и Морис Мерло-Понти, признания в академическом сообществе он так и не получил, звания профессора не имел). Один из исследователей его творчества (Артур Тотосиан) назвал Минковски «мыслителем без учеников»¹. Возможная причина этого положения — двусмысленность его самоопределения. Для *других* он был только врач и психиатр, а для *себя* самого еще и философ. В молодости Эжен, размышляя о будущей профессии, колебался между философией, математикой и медициной. Выбрав, как и его брат, медицину, он не оставил занятия философией, как бы подтверждая известный тезис о том, что философия не профессия², а свойственный лично *тебе* взгляд на вещи, отделаться от которого, если он есть, не так-то и просто. После защиты в 1909 году докторской диссертации

* Статья представляет незначительно измененный доклад, подготовленный для конференции «“Время вперед!”: Время философии и философия времени», которая состоялась в РГПУ им. А. И. Герцена 6-8 мая 2020 г. Аудиоверсию доклада можно найти здесь: https://kpfu.ru/staff_files/F_130480688/likhov_G_o_filosofii_E_Minkovski.mp3

¹ Цит. по: *Власова О.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. — М., 2010. — С. 226.

² Эту мысль любил повторять *А. М. Пятигорский* (1929-2009), российско-британский философ, буддолог, писатель.

по медицине (тогда он интересовался физиологической психологией) Минковски оказался в Мюнхене, где возобновляет занятия философией и слушает лекции Александра Пфендера и Морица Гайгера, представителей «мюнхенской школы» феноменологии. Его диссертация по психиатрии, над которой он работал после возвращения с фронта и успешно защитил в 1926 году, уже в названии содержала отношение ее автора к философии: «Понятие утраты контакта с реальностью и его использование в психопатологии». Чем бы не занимался Минковски, врачебной практикой, наукой, литературной или общественной деятельностью, по образу своего мышления и по типу своей личности он был философом. Его взгляд на теоретическую психопатологию был взглядом врача-философа (так он предпочитал себя называть³), который не применяет отдельные философские наработки к психиатрии, а *смотрит* на нее как философ.

Поясню сказанное. В книге «Философия свободы» (1911) Николай Бердяев со свойственной ему решительностью проводит различие между «думать о чем-то» и «думать что-то»⁴, фактически разделяя с феноменологией ее интерес к «вещам» — тому, что открывается в опыте непосредственного восприятия. Одно дело — рассказывать на ютубе о том, как испечь пирог, и совсем другое — *сделать* его осязаемо-вкусным, накормив гостей. Красивой картинкой рассевшихся за столом не обманешь — протянул руку и взял кусочек. «Думать что-то» — поддаться обаянию того, от имени чего говорит философия, встречаясь с настоящими вещами, у каждой из которых есть свой вкус. Бердяев требует *от себя* дерзновения *быть* философом. Философия обращена к нам, и в определенный момент у кого-то она становится *личным* взглядом. Не «точкой зрения» — мнением или совокупностью суждений, а именно *взглядом* на вещи, благодаря которому и возникает «точка зрения». Философия как бы присваивает

³ *Пелисье И.* Введение. Проживать время: Эжен Минковский // Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования / Э. Минковский. — М., 2018. — С. 11.

⁴ *Бердяев Н.* Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества Н. Бердяев. — М., 1989. — С. 14.

себе взгляд философа, и у него появляется *своя* философия. «Своей» она является не только потому, что содержит ряд точек зрения на те или иные мыслимые предметы, но и потому, что открывается возможность смотреть на вещи философски. В книге Бердяева узнается *его* философия, которая просматривается даже в пересказах чужих идей. Вряд ли философский взгляд на вещи создается враз. Но если он есть, мы явственно ощутим его влияние на себе, едва раскрыв книгу. Разумеется, я говорю о чем-то субъективном. Однако, если нам *уже* кое-что известно о философии, мы, вероятно, не ошибемся, даже если критически отнесемся к прочитанному. В книгах Минковски также просматривается его созданность философией. Об этом откровенно говорят некоторые главы его книги «Шизофрения»⁵ (издана в Париже в 1927 году) и уж тем более — большая часть «Проживаемого времени»⁶ (книга вышла там же в 1933 году). На них, в основном, я и буду опираться, рассказывая об особенностях философии Минковски, делая акцент на ключевом для нее понятии «витальный контакт с реальностью».

Но прежде несколько слов о философии Минковски в целом. Философия — глубоко личное дело. Предметом ее выступает *жизнь* философа, некое ее качество, значит, и состояние *собственной* жизни. Нельзя отрицать близость философии Минковски экзистенциализму, хотя сразу оговоримся и будем иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, философия Минковски откликалась не на нужды академической, университетской философии, стремясь преодолеть ее или развить, а на личный опыт врача-психиатра. У Минковски не было задачи трансформировать философию, у него не было амбиций Эдмунда Гуссерля или Мартина Хайдеггера. Ему достаточно было философии, касающейся его самого и его профессии. Во-вторых, рубежными для раннего экзистенциализма (имевшего хождение между двумя мировыми войнами) были философия Фридриха Ницше и провидческая антропология Федора Достоевского с их беспокойством

⁵ Минковский Э. Шизофрения. Психопатология шизоидов и шизофреников. — М., 2017.

⁶ Минковский Э. Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования. — М., 2018.

за будущее европейской культуры, утратившей веру в собственные основания, излишне доверчивой ко всему отвлеченному, допустившей приход «человека массы», как раз любящего все отвлеченное, неконкретное, добровольно отдающего себя во власть «исторической закономерности» и всему «общераспространенному». Ранний экзистенциализм в конечном счете был философией культуры, в которой отдельный человек, думающий, совестливый, не находил себе места. Философия Минковски — философия отдельного человека, но она никогда не имела дела с *целым* как культурой, европейской, русской или иной. Ее интересовала живая реальность, раскрывающаяся во время контакта с (больными и не только) людьми. Лучше сказать, Минковски волновало такое *целое*, которое не умещалось ни во что «внешнее», ни во что «внутреннее», хотя и замыкалось на человека, его удел — быть сущностно, исконно связанным с миром. Философия рассматривает манифестации целого, которым принадлежит каждый человек. Например, одной из таких манифестаций выступает *уместность*. Вовремя сказать, подобрав нужные слова, вовремя промолчать, вовремя уйти или протянуть руку помощи. Уместность — форма связи, обмена энергией с окружением, когда мы всматриваемся в то, что происходит вокруг, как в самих себя, и в самих себя, как в происходящее вокруг. Для того, чтобы быть уместным, необходимо чувствовать реальность, живо соотносясь с окружающим. Вместе с тем не существует общего для всех правила, которое бы задавало успешность выполняемого действия — ситуация постоянно изменяется, и нам снова и снова приходится принимать решение, относительно которого заранее нельзя сказать, уместно оно будет или нет. Именно поэтому я бы назвал *целое*, манифестацией которого выступает уместность, «нелокализуемым». Хайдеггер, двигавшийся в это время примерно в том же направлении, вероятно, сказал бы, что «нелокализуемое целое» выражает принадлежность человека *бытию*, в свете которого становятся видны *смыслы*. Не смысл вообще, а *конкретный* смысл этих отношений, этого случая и т. д. Философия понималась и раскрывалась Минковски через человеческое бытие, о котором что-то можно сказать только в том случае, если ты сам *лично* ему принадлежишь. Только для Хайдеггера хранилищем бытия выступала философская

традиция, а его хранителем, соответственно, — философ. Минковски, наделяя каждого человека правом быть философом, считал, что это право реализуется и за пределами философии, например, в психиатрии. Этим допущением, размыкающим философию навстречу иному, он предвосхитил образ мыслей поздних французских философов, среди которых, пожалуй, стоит упомянуть Мерло-Понти. Предмет его поздней философии — сырое, необработанное бытие, преднаходимое и не принадлежащее одной философии, потому и исследуется оно не только ею. Оригинальность подхода Минковски состояла в том, что он, обращаясь к психиатрии и к психопатологии, ввел в основание ее принцип, который обычно рассматривали как достоинство мудреца, — «чувство реальности», живую связь со смыслом происходящего.

Такое понимание философии вызывало необходимость вполне определенного отношения к себе самому и к своей профессии. От врача-философа требовалось не только исследование, но и реализация философского смысла в своей жизни, в противном случае — и это крайне любопытное допущение — врачебная практика не будет успешной, что-то не увидишь, пройдешь мимо. И здесь есть одна деталь, о ней уже говорилось, постараюсь свести ранее сказанное к чему-то одному. Философия реализуется на уровне личного взгляда на вещи, но не совпадает с тем, *о чем* подумал (ранее) философ. Философ — всего лишь *любитель* мудрости, а не «глашатай истины», выразитель «духа времени» или «самосознания эпохи». Словом, за философией оставляли право быть скромной, выражающей всего лишь личный взгляд на вещи. Манифестируя себя в личности философа и раскрывая личность миру, философия *могла* проявляться в чем-то частном, например, в психиатрии или уж совсем в малом — в *собственной* попытке быть уместным. Важно также иметь в виду, что философ, стараясь держаться целого, не отождествляет себя с «точкой зрения». Поэтому, вводимые им понятия носят еще и *операциональный*⁷ характер — они не просто описы-

⁷ В современной философии для описания такого рода явлений есть другой термин — «перформативность». Для того чтобы избежать многочисленных коннотаций, связанных с ним, я использую термин «операциональный».

вают что-то, но и оказывают воздействие на того, кто занимается описанием. Таково хайдеггеровское «бытие». Существует множество его определений, более или менее удачных, но нельзя *запомнить* смысл бытия не только потому, что он сложный, но прежде всего потому, что в его определение как бы входит трансформация, изменение нашего взгляда. Если этой трансформации нет, бытие оказывается обычным, мало что значащим словом. Хайдеггер понимал бытие операционально, как бы устанавливая снова и снова связь с целым, которое нигде не имеет места, хотя и привязано ко времени жизни философа, к его возможному взгляду на вещи. Также операционально следует понимать и понятие «витальный контакт с реальностью» Минковски.

По своим философским пристрастиям Минковски — бергсонианец (он лично знал Анри Бергсона, встречался с ним). Как и «бытие», понятие «витальный контакт с реальностью» отсылает к нелокализуемому целому, манифестирующему себя в личном взгляде. Только Хайдеггер и Минковски как бы смотрят на разные объекты. Личный взгляд Хайдеггера обращен к глубинным основаниям философской традиции. Личный взгляд Минковски — к сфере непосредственного общения и, в частности, к профессиональному общению врача и пациента. Но и там, и тут, для того чтобы удержаться в отношении к целому как бытию или контакту с реальностью, требуется *одно* действие — «смена взгляда», выход за пределы значений, носителем которых выступаешь *ты сам*.

В самом деле, что такое «витальный контакт с реальностью», реализуемый в сфере общения? Направленность на другого и еще более — способность чувствовать «целое ситуации», то «здесь», в котором мы пребываем в настоящий момент. Вовремя сказать или промолчать, не пройти мимо, когда того требует ситуация. Не к этому ли зывали многие философы, творившие до и после Минковски? Аристотелевская «рассудительность» (*phronesis*) — форма контакта с реальностью, только условием ее выступает «культура суждения». Ханна Арендт (в «*Vita activa*») говорила о «чувстве действительности»⁸, но и для нее это чувство покоилось на

⁸ *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* — М., 2017. — С. 263.

здравом смысле — продукте развитой, в том числе и политической, культуры. Бахтиновский поступок как событие бытия — еще одна форма установления контакта — предполагал обращение к истории. Связь с реальностью во всех подобных случаях полагалась либо через соотнесение с дрящимся прошлым (понятие «культура»), как у Аристотеля и Арндт, либо с уникальным настоящим, как у Михаила Бахтина (понятие «событие бытия» замыкало историю на настоящее).

У Минковски связь с реальностью опосредована *личным порывом*, связанным не с местом (культурой), а со временем. И здесь вновь придется вспомнить Хайдеггера, его понимание истории. Для Хайдеггера каждый отдельный человек сущностно историчен, ибо конечен⁹. Ощущение собственной конечности открывает для человека окно в большую историю, которая только в этом случае может стать и *его* историей. Минковски, как и Хайдеггер, держится позиции отдельного человека, только окном в большую историю для него выступает личный порыв, суть которого — созидающая устремленность вперед, будущее. Личный порыв Минковски — переосмысление *жизненного порыва* Бергсона, поэтому имеет смысл обратиться к ряду идей последнего, которые вынужденно придется изложить кратко и, возможно, несколько грубо. Мир, в котором мы живем, еще не реальность, но ее жалкий слепок, приспособленный для нужд практики и социальной жизни. В сфере познания царствует наука (и здесь Бергсон отходит от аристотелевского понимания), для которой главное не теория, а ее способность манипулировать вещами, подчиняя их воле человека. В общественной жизни главенствует процесс «социализации истины»¹⁰, причина которой в нашей обусловленности языком. В ходе постоянного общения многие смыслы упрощаются и лишаются связи с вещами, так проще. Сложные, во многом неоднозначные явления истолковываются превратно или упрощенно, предоставляются в пользование людей, не готовых и не желающих знать истину. Фи-

⁹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. — М., 2013. — С. 87.

¹⁰ Данное понятие использует испанский философ-феноменолог Х. Субири (*Субири Х. Пять лекций по философии*. — М., 2007. — С. 121).

лософия стремится высвободить реальность, скованную социальными нуждами. И для Бергсона реальность имеет образ целого, но ее природа *витальна*. Это сама *жизнь*, пребывающая в бесконечном становлении и созидании. Ее нигде не уместишь, ничем не измеришь. Реальность асимволична и доступна лишь взгляду человека, который *уже* размещен в ней. Природа, витальность познает себя через человека. Восприятие и понимание на уровне глубокого осознания такого единства и есть интуиция. Она же — любовь. Философия пробуждает любовь к реальности или жизни, наделяет нас чувством жизни. Минковски отходит от бергсоновского онтологизма, делая жизненный порыв, свойственной всему живому, личным. Витальный контакт с реальностью — не просто чувство реальности, схватывание ситуации в целом, но еще более *подхваченность* человека созидательным, творческим порывом, снимающим разделения, преодолевающим любые, прежде заданные, границы. Личный порыв Минковски имеет некоторое сходство с «подъемом» Бердяева, настроением симпатии, готовности видеть и понимать. Личный порыв — это и любовное соединение с тем, что делаешь. Он знаком каждому, мы узнаем его в том, что делаем увлеченно, с интересом. Минковски обращает внимание на то, что происходит с нами в момент успешно совершаемых действий, когда много сходится к одному и дело как бы вершится само, а мы оказываемся его частью. Это и есть контакт, в котором переплетается «внешнее» и «внутреннее», образуя одно целое, не подчиненное нам, но служащее чему-то большему, — и самому делу, и делу мира, длению жизни. Личный порыв или любовное единение — основа созидания, творчества. Без него мир опустеет, лишившись своей основы — того, что все созидает, соединяя. Личный порыв — сущностная черта человека, принадлежащего миру. Минковски антропологизирует бергсоновский жизненный порыв. Теоретическая психопатология оказывалась у него клинико-ориентированной разновидностью философской антропологии, примененной к *себе*, к собственной врачебной практике.

Вероятно, с этой антропологизацией связана еще одна любопытная особенность философии Минковски. Наделяя контакт с реальностью свойствами «личного порыва», Мин-

ковски акцентирует внимание на будущем, открывающем себя через творческое созидание. В этом пункте Минковски оказался, как ни странно, близок позднему Владимиру Соловьеву (периода «Трех разговоров») с его устремленностью к концу мира, обесценивающему и прошлое, и настоящее. Только в отличие от Соловьева-гностика, требующего безоговорочно принять грядущий исход мира, Минковски-врач оставляет нас с надеждой на исцеление. Будущее уже здесь, оно как будто сошло с больших экранов, проникло к нам со страниц известных книг, но оно, возможно, еще не выносит окончательный вердикт миру. Минковски принадлежал к числу тех мыслителей, которые предчувствовали наступление времен, когда мы (в своей жизни) останемся одинаково равнодушными как к прошлому, так и к настоящему, ибо наступление будущего столь стремительно, а изменения, вызываемые им, столь масштабны, что у нас нет ни одного шанса оказаться где-то вне его, ничего другого (прошлое, настоящее) просто не осталось.

Одного чаньского наставника спросили: «Каким образом вы учите?» Тот ответил: «Когда приходят гости, полагается встретить их»¹¹. Встречать гостей, когда они пришли, идти на работу, когда необходимо, отдыхать, когда выпадает возможность, смотреть на восход солнца, когда он застал тебя, — нет ничего более сложного и одновременно более простого, чем *оказаться там, где ты уже есть*. Но для того, чтоб понять это, придется продумать смысл «чувства реальности». Когда выпадет тому возможность.

Эжен Минковски жил и работал в то время, когда еще не боялись требовать от человека слишком многого — быть похожими на мудрецов, то есть практиковать философию как собственно любовь к мудрости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* — Москва : Ad Marginem, 2017. — 416 с.
2. *Бердяев Н. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев.* — Москва : Правда, 1989. — С. 12—250.

¹¹ Сущность дзен. Искусство быть свободным / сост. и ред. Томаса Клири. — СПб., 2012. — С. 48.

3. *Власова О.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. — Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010. — 640 с.
4. *Минковский Э.* Шизофрения. Психопатология шизоидов и шизофреников. — Москва : ИД «Городец», 2017. — 208 с.
5. *Минковский Э.* Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования. — Москва : ИД «Городец», 2018. — 496 с.
6. *Пелисье И.* Введение. Проживать время: Эжен Минковский // Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования / Э. Минковский. — Москва : ИД «Городец», 2018. — С. 5–13.
7. *Субири Х.* Пять лекций по философии. — Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 200 с.
8. *Сущность дзен. Искусство быть свободным / сост. и ред. Томаса Клири.* — Санкт-Петербург : Евразия, 2012. — 224 с.
9. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. — Москва : Академический Проект, 2013. — С. 80–170.